

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап
9 класс

Аналитическое задание. Выполните целостный анализ прозаического или поэтического текста.

Лев Кассиль

Зелёная веточка

На Западном фронте мне пришлось некоторое время шить в землянке техника-интенданта Тарасникова. Он работал в оперативной части штаба гвардейской бригады. Тут же, в землянке, помещалась его канцелярия. Трехлинейная лампешка освещала низкий сруб. Пахло свежим тесом, земляной сыростью и сургучом. Сам Тарасников, невысокий, болезненного вида молодой человек со смешными рыжими усиками и желтым, обкуренным ртом, встретил меня вежливо, но не слишком приветливо.

– Устроитесь вот тут, – сказал он мне, указывая на топчан и тотчас снова склоняясь над своими бумагами. – Сейчас вам подстелят палатку. Надеюсь, моя контора вас не стеснит? Ну и вы, рассчитываю, тоже особенно мешать нам не будете. Условимся так. Присаживайтесь пока.

И я стал жить в подземной канцелярии Тарасникова.

Это был очень беспокойный, необычайно дотошный и придирчивый работяга. Целые дни он надписывал и заклеивал пакеты, припечатывал их сургучом, согретым над лампой, рассылал какие-то донесения, принимал бумаги, перечерчивал карты, стучал одним пальцем на заржавленной машинке, тщательно выбивая каждую букву. По вечерам его мучили приступы лихорадки, он глотал акрихин, но лечь в госпиталь категорически отказывался:

– Что вы, что вы! Куда же я уйду? Да тут все дело без меня станет! Все на мне и держится. На день мне уйти – так потом год не распутаешься тут...

Поздно ночью, вернувшись с переднего края обороны, засыпая на своем топчане, я все еще видел за столом усталое и бледное лицо Тарасникова, освещенное огнем лампы, деликатно, ради меня, приспущенным, и укутанное табачным туманом. От глиняной печурки, сложенной в углу, шел горячий чад. Усталые глаза Тарасникова слезились, но он продолжал надписывать и заклеивать пакеты. Потом он вызывал связного, который дожидался за плащ-палаткой, повешенной у входа в нашу землянку, и я слышал следующий разговор.

– Кто из пятого батальона? – спрашивал Тарасников.

– Я из пятого батальона, – отвечал связной.

– Примите пакет... Вот. Возьмите его в руки. Так. Видите, написано здесь: «Срочно». Следовательно, доставить немедленно. Вручить лично командиру. Понятно? Не будет командира – передадите комиссару. Комиссара не будет – разыщите. Больше никому не передавать. Ясно? Повторите.

– Доставить пакет срочно, – как на уроке, однотонно повторял связной.
– Лично командиру, если не будет – комиссару, если не будет – отыскать.

– Правильно. В чем понесете пакет?

– Да уж обыкновенно... Вот тут, в кармане.

– Покажите ваш карман. – И Тарасников подходил к высокому связному, становился на цыпочки, просовывал руку под плащ-палатку, за пазуху шинели, и проверял, нет ли прорех в кармане.

– Так, в порядке. Теперь учтите: пакет секретный. Следовательно, если попадетесь противнику, что будете делать?

– Да что вы, товарищ техник-интендант, зачем же я буду попадаться!

– Попадаться незачем, совершенно верно, но я вас спрашиваю: что будете делать, если попадетесь?

– Да я сроду никогда не попадусь...

– А я вас спрашиваю, если? Так вот, слушайте. Если что, опасность какая, так содержимое съешьте не читая. Конверт разорвать и бросить. Ясно? Повторите.

– В случае опасности конверт разорвать и бросить, а что посередке – съесть.

– Правильно. Через сколько времени вручите пакет?

– Да тут минут сорок и идти всего.

– Точнее прошу.

– Да так, товарищ техник-интендант, я считаю, не больше пятидесяти минут пройду.

– Точнее.

– Да через час-то уж наверняка доставлю.

– Так. Заметьте время. – Тарасников щелкал огромными кондукторскими часами. – Сейчас двадцать три пятьдесят. Значит, обязаны вручить не позднее ноль пятьдесят минут. Ясно? Можете идти.

И этот диалог повторялся с каждым посыльным, с каждым связным. Покончив со всеми пакетами, Тарасников укладывался. Но и во сне он продолжал учить связных, обижался на кого-то, и часто ночью меня будил его громкий суховатый, отрывистый голос:

– Как стоите? Вы куда пришли? Это вам не парикмахерская, а канцелярия штаба! – четко говорил он во сне.

– Почему вошли, не доложившись? Выйдите и войдите еще раз. Пора научиться порядку. Так. Погодите. Видите, человек ест? Можете обождать, у вас не срочный пакет. Дайте человеку поесть... Распишитесь... Время отправления... Можете идти. Вы свободны...

Я тормошил его, пытаюсь разбудить. Он вскакивал, смотрел на меня мало осмысленным взглядом и, снова повалившись на койку, прикрывшись шинелью, мгновенно погружался в свои штабные сны. И опять принимался быстро говорить.

Все это было не очень приятно. И я уже подумывал, как бы мне перебраться в другую землянку. Но однажды вечером, когда я вернулся в

нашу халупку, основательно промокнув под дождем, и сел на корточки перед печкой, чтобы растопить ее, Тарасников встал из-за стола и подошел ко мне.

– Тут, значит, получается так, – сказал он несколько виновато. – Я, видите ли, решил временно не топить печи. Давайте деньков пять воздержимся. А то, знаете, печка угар дает, и это, видимо, отражается на ее росте... Плохо на нее воздействует.

Я, ничего не понимая, смотрел на Тарасникова:

– На чьем росте? На росте печи?

– При чем же тут печка? – обиделся Тарасников. – Я, по-моему, выражаюсь достаточно ясно. Этот самый чад, он, видно, плохо действует... Она совсем расти перестала.

– Да кто расти перестал?

– А вы что же, до сих пор не обратили внимания? – уставившись на меня с негодованием, закричал Тарасников.

– А это что? Не видите? – И он с внезапной нежностью поглядел на низкий бревенчатый потолок нашей землянки.

Я привстал, поднял лампу и увидел, что толстый кругляш вяза в потолке пустил зеленый росток. Бледненький и нежный, с зыбкими листочками, он протянулся под потолок. В двух местах его поддерживали белые тесемочки, приколотые кнопками к потолочине.

– Понимаете? – заговорил Тарасников. – Все время росла. Такая славная веточка вымахнула. А тут стали мы с вами топить часто, а ей, видно, не нравится. Я вот тут аарубочки делал на бревне, и даты у меня проставлены. Видите, как сперва быстро росла. Иной день по два сантиметра вытягивала. Даю вам честное благородное слово! А как стали мы с вами чадить тут, вот уже три дня не наблюдаю роста. Так ей и захиреть недолго. Давайте уж воздержимся. И курить бы надо поменьше. Стебелечек-то нежненький, на него все влияет. А меня, знаете, интересует: доберется он до выхода? А? Ведь так, чертенок, и тянется поближе к воздуху, где солнце, чует из-под земли.

И мы легли спать в нетопленной, сырой землянке. На другой день я, чтобы снискать расположение Тарасникова, сам уже заговорил с ним о его веточке.

– Ну как, – спросил я, сбрасывая с себя мокрую плащ-палатку, – растет?

Тарасников выскочил из-за стола, посмотрел мне внимательно в глаза, желая проверить, не смеюсь ли я над им но увидев, что я говорю серьезно, с тихим восторгом поднял лампу, отвел ее чуточку в сторону, чтобы не закоптить свою веточку, и почти шепотом сообщил мне:

– Представьте себе, почти на полтора сантиметра вытянулась. Я же говорил, топить не надо. Просто удивительное это явление природы!

Ночью немцы обрушили на наше расположение массивный артиллерийский огонь. Я проснулся от грохота близких разрывов, выплевывая землю, которая от сотрясения обильно посыпалась на нас сквозь

бревенчатый потолок. Тарасников тоже проснулся и зажег лампочку. Все ухало, дрожало и тряслось вокруг нас. Тарасников поставил лампочку на середину стола, откинулся на койке, заложив руки за голову:

– Я так думаю, что большой опасности нет. Не повредит ее? Конечно, сотрясение, но тут над нами три наката. Разве уж только прямое попадание. А я ее, видите, подвязал. Словно предчувствовал...

Я с интересом поглядел на него.

Он лежал, запрокинув голову на подложенные за затылок руки, и с нежной заботой смотрел на зеленый слабенький росточек, вившийся под потолком. Он просто забыл, видимо, о том, что снаряд может обрушиться на нас самих, разорваться в землянке, похоронить нас заживо под землей. Нет, он думал только о бледной зеленой веточке, протянувшейся под потолком нашей халупы. Только за нее беспокоился он.

И часто теперь, когда я встречаю на фронте и в тылу взыскательных, очень занятых, суховатых на первый взгляд, малоприветливых как будто людей, я вспоминаю техника-интенданта Тарасникова и его зеленую веточку. Пусть грохочет огонь над головой, пусть промозглая сырость земли проникает в самые кости, все равно – лишь бы уцелел, лишь бы дотянулся до солнца, до желанного выхода робкий, застенчивый зеленый росток.

И кажется мне, что есть у каждого из нас своя заветная зеленая веточка. Ради нее готовы мы перенести все мытарства и невзгоды военной поры, потому что твердо знаем: там, за выходом, завешенным сегодня отсыревшей плащ-палаткой, солнце непременно встретит, согреет и даст новые силы дотянувшейся, нами выращенной и сбереженной ветке нашей.

Юлия Друнина

Ёлка

На втором Белорусском еще продолжалось затишье,
Шел к закату короткий последний декабрьский день.
Сухарями в землянке хрустели голодные мыши,
Прибежавшие к нам из сожженных дотла деревень.

Новогоднюю ночь третий раз я на фронте встречала.
Показалось — конца не предвидится этой войне.
Захотелось домой, поняла, что смертельно устала.
(Виновато затишье — совсем не до грусти в огне!)

Показалась могилой землянка в четыре наката.
Умирала печурка. Под ватник забрался мороз...
Тут влетели со смехом из ротной разведки ребята:
— Почему ты одна? И чего ты повесила нос?

Вышла с ними на волю, на злой ветерок из землянки.

Посмотрела на небо — ракета ль сгорела, звезда?
Прогревая моторы, ревели немецкие танки,
Иногда минометы падали незнамо куда.

А когда с полутьмой я освоилась мало-помалу,
То застыла не веря: пожарами освещена
Горделиво и скромно красавица елка стояла!
И откуда взялась среди чистого поля она?

Не игрушки на ней, а натертые гильзы блестели,
Между банок с тушенкой трофейный висел шоколад...
Рукавицею трогая лапы замерзшие ели,
Я сквозь слезы смотрела на сразу притихших ребят.

Дорогие мои д`артаньяны из ротной разведки!
Я люблю вас! И буду любить вас до смерти,
всю жизнь!
Я зарылась лицом в эти детством пропахшие ветки...
Вдруг обвал арталета и чья-то команда: «Ложись!»

Контратака! Пробил санитарную сумку осколок,
Я бинтую ребят на взбесившемся черном снегу...

Сколько было потом новогодних сверкающих елок!
Их забыла, а эту забыть не могу...

Творческое задание.

Безусловно, вы знаете, что, помимо сюжета, в композиции произведения существуют так называемые внесюжетные элементы, которые зачастую бывают не менее важны, чем сам сюжет. К внесюжетным элементам могут относиться лирические и / или иные отступления, авторские размышления, рассуждения, высказывания, воспоминания, обращения к читателям, эпиграфы, ремарки, вставные эпизоды, художественные предварения и обрамления и др.

Выберите прозаическое произведение художественной литературы, которое особенно интересно именно вам. Назовите его и поясните, почему именно это произведение вы выбрали.

Подумайте, есть ли в этом произведении внесюжетные элементы. Если их нет, при выполнении задания сразу переходите дальше.

Какой внесюжетный элемент мог бы подойти для этого произведения, по вашему мнению?

Придумайте для выбранного вами произведения свой внесюжетный элемент. Представьте (запишите) его и письменно аргументируйте свой выбор.